

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ) / LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.50.6>

ПРОБЛЕМАТИКА ДИНАМИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В МНЕМОНИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

Научная статья

Остроумова А.В.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0002-7365-9952;

¹Российский Государственный Педагогический Университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (anna-ostroumova[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья затрагивает вопросы идентичности и самоидентификации в их отношении к текстам памяти, представленным мнемоническим повествованием. Являясь междисциплинарной проблемой, идентичность личности консолидирует усилия различных гуманитарных наук для анализа и понимания ее онтологии. Идентичность социальна и обусловлена intersubъектными отношениями, а деятельностный характер интерпретационного процесса саморефлексии, в результате которого идентичность приобретает форму и целостность, указывает на динамический характер идентичности и самоидентификации. Непосредственное участие процессов памяти в формировании идентичности обращает исследователей проблематики к текстам воспоминаний или мнемоническим текстам. Особое положение мнемонических текстов между художественной литературой и документалистикой, а также его онтологические характеристики, такие как эгоцентризм, фрагментарность, гетерогенность и др. позволяют рассмотреть особенности структурирования и иерархизации идентичности вокруг вспоминающего «я» автора.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, динамика идентичности, память, мнемоническое повествование.

THE PROBLEMATISATION OF IDENTITY DYNAMICS IN MNEMONIC NARRATIVE

Research article

Ostroumova A.V.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0002-7365-9952;

¹ Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (anna-ostroumova[at]yandex.ru)

Abstract

The article addresses the issues of identity and self-identity in their relation to memory texts represented by mnemonic narratives. Being an interdisciplinary problem, identity consolidates the efforts of different humanities to analyse and understand its ontology. Identity is social and is conditioned by intersubjective relations, and the activity character of the interpretive process of self-reflection, as a result of which identity acquires form and integrity, points to the dynamic nature of identity and self-identification. The direct involvement of memory processes in the shaping of identity turns the researchers of the problematic to memory texts or mnemonic texts. The special position of mnemonic texts between fiction and documentary, as well as its ontological characteristics, such as egocentrism, fragmentation, heterogeneity, etc., allow to examine the peculiarities of structuring and hierarchization of identity around the author's remembering "self".

Keywords: identity, self-identity, identity dynamics, memory, mnemonic narrative.

Введение

В центре комплекса гуманитарных наук на современном этапе стоит человек во всех своих проявлениях, а главным свойством человека, отличающим его от всех других живых существ, является когнитивная способность – способность к познанию мира, себя и, на основе полученного знания, к преобразованию себя и мира [1, С. 37]. Процесс гуманизации науки привел к осознанию того, что поиск «объективного» знания о мире теряет смысл, если в рисуемую наукой картину действительности не будет включен человек как субъект познания. В свете этих соображений проблема субъекта интерпретации в языке и речевой деятельности выходит на первый план. Важную часть онтологии субъекта составляют интерпретативные процессы самопознания и самопонимания человека, которые опосредуют идентичность субъекта в условиях intersubъективности – то есть ситуации взаимодействия и идентификации с «другим», в ходе которых происходит определение границ собственно идентичности личности.

Идентичность личности как междисциплинарная проблема

Вопрос идентичности и самоидентификации является междисциплинарной проблемой и находит отражение в трудах по философии, психологии, социологии, социолингвистике, литературоведению и языкознанию. В статье Большой Российской Энциклопедии Д.А. Леонтьев пишет, что идентичность (от ср.-век. лат. *identicus* – тождественный, одинаковый) несёт в себе смыслы тождественности, одинаковости, «совпадения чего-нибудь с чем-нибудь; в социально-гуманитарном знании И. – это осознание человеком самого себя через набор устойчивых характеристик, ответ на вопрос «Кто я?». И. включает в себя переживание человеком своей принадлежности к тем или

иным группам социальным (социальная И.), формирующееся в результате идентификации с ними в процессе социализации, а также представления об отличиях от др. индивидов и групп, моделях поведения, ценностных ориентирах и т. п. И. является одним из центр. аспектов личностного самоопределения и самосознания человека, помогая ему оставаться самим собой в меняющихся ситуациях и доставляя критерии для оценки окружающего мира и самооценки» [2]. В круг понятий, связанный с идентичностью, включаются понятия «самоидентификация», «идентификация», «автоидентификация». Идентификация интерпретируется как «процесс самоопределения индивида (или определения другого) в социальном пространстве, группах, сообществах, системе их взаимодействий. Результатом идентификации является осознание человеком своей идентичности» [3].

В концепции Э. Эриксона идентичность складывается из чувства личностного тождества и исторической непрерывности личности, восприятия себя, своего существования во времени и пространстве, а также сознательного чувства личностной идентичности, восприятия того факта, что другие признают моё тождество и непрерывность [4, С. 10-12]. И.С. Кон определяет идентичность как совокупность представлений человека о своей самобытности в трех формах: «1) Психофизиологическая идентичность обозначает единство и преемственность физиологических и психических процессов и свойств организма; 2) социальная идентичность обозначает систему свойств, благодаря которым особь становится социальным индивидом, членом определенного общества или группы, и предполагает разделение (категоризацию) индивидов по их социально-классовой принадлежности, социальным статусам и усвоенным ими социальным нормам; 3) личная идентичность, или эго-идентичность (эго-идентичность обозначает единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов и смысловых установок личности, осознающей себя как «самость»)» [5, С. 28–29].

В философии идентичность рассматривается сквозь призму парадигмы реляционной онтологии, представляющей динамичные отношения как фундаментальную форму бытия (Ч. Пирс, У. Джеймс, М. Бахтин, Е.Г. Трубина, П. Рикёр). «Человеческое «Я» берется в его бытии с другими, как уникальная часть человеческой общности, которая и формируется этой общностью» [6, С. 79]. Вне общения, диалога, идентичность личности не может сформироваться, поскольку человек для себя никогда не является целостным и завершенным, целостно познать себя он может только через «другого». М.М. Бахтин отмечает, что «я» субъекта обладает субъективностью, избытком видения, и не может стать объектом для себя. В процессе познания субъект попадает в область ограничения «другим», поскольку чтобы диалог состоялся, необходимо уравнивать ценность позиций «я» и «другого» [7, С. 13-22]. В диссертационном исследовании Е.Г. Трубиной интерсубъективная концепция персональной идентичности рассматривается как философия нарратива, как рассказ человека о себе, создание истории жизни. Согласно такой позиции, персональная идентичность дискурсивно опосредована самопониманием человека, то есть своей собственной интерпретативной активностью (рефлексией) [8]. П. Рикёр в своей концепции говорит о том, что конструктивное, воплощенное повествование о себе другим через описание поступков, которыми человек выстраивает историю своей жизни как чередующееся расположение фактов, являясь воспроизведением деятельного характера человеческой жизни, составляет основу идентичности человека и для себя, и для других [9].

При рассмотрении идентичности в социолингвистике и языкознании акцентируется ее социально-ролевой аспект. Различают следующие типы социальной идентичности: национальная, религиозная, профессиональная, семейная, расовая, национальная, региональная, гендерная, возрастная, имущественная, профессиональная, семейная, религиозная, политическая, этническая, социокультурная, культурная, гражданская, языковая, конфессиональная, городская, брендовая, экономическая, мультилингвальная, транснациональная и другие типы идентичности. Основой языкового воплощения самоидентификации выступают:

- 1) личная самоидентификация или самохарактеризация, связанная с описанием своих уникальных качеств и признаков,
- 2) социальная самоидентификация, связанная с конструированием идентичности в рамках социальных ролей,
- 3) индивидуально-авторский стиль [4], [6], [10].

Идентичность социальна и обусловлена интерсубъективными отношениями, а деятельностный, активный характер процесса интерпретации, формирующего идентичность, указывает на динамический характер идентичности и самоидентификации. Самоидентификация личности связана с осознанием человеком своей значимости в мире, отождествлением себя с окружающим миром и с самим собой, тождественностью и непрерывностью нашего «я», несмотря на изменения, происходящие с ним во времени, созданием определенного образа, к которому стремится субъект. Осознание и поиск себя происходит через набор устойчивых характеристик, а сформированное самостоятельное представление субъекта о себе представляется итогом этого поиска. Задействованная при этом память как статико-динамическое или структурно-процессуальное явление определяет разноплановость процесса самоидентификации. Самоидентификация «отражает идентичность – и конструирует, и выражает, и описывает» [4, С. 38]. Самоидентификация личности в общем смысле – это личное самоощущение человека на психологическом уровне, которое отражает динамику на более глубоких уровнях – психическом, биологическом и генетическом. Динамика психики представляет собой «психические акты, формирующие некоторое психическое содержание в результате ассоциации каких-то представлений из памяти или реальных жизненных ситуаций с установлением новых эмотивно-смысловых построений или новых содержательных оттенков» [11, С. 79]. Вместе с этим, память как «сохранение организмом собственного материально-функционального статуса» обеспечивает сохранение организмом собственной идентичности и в этом смысле может рассматриваться как способ формирования и проявления самоидентификации личности [11, С. 80]. Таким образом, память и мышление неразрывно связаны с самоидентификацией личности сразу в двух аспектах: с одной стороны как сохранение впечатлений из прошлого, с другой – как сохранение организмом собственной психофизиологической идентичности.

Динамика идентичности в текстах памяти

Мнемоническое повествование (МП), в основе которого лежат процессы воссоздания воспоминаний фактов и обстоятельств личного прошлого опыта, т.е. процессы вербализации памяти о прожитых событиях, является примером создания нарратива о себе, конечной целью которого является формулирование целостной и непротиворечивой концепции «Я». Основой языковой репрезентации самоидентификации являются эгоцентрические высказывания или Я-высказывания (Кашкина, Катанова). В работе «Поэтика и прагматика мнемонического повествования» Л.М. Ньюбина рассматривает МП как специфическую форму эгоцентрического высказывания текстового уровня, для которого характерна высшая степень субъективности – эгоцентрическая субъективность. В данном типе повествования, по мнению автора, местоимение «я» «вмещает в свою семантику разные формы вспоминающего речевого субъекта» и организует вокруг себя все смысловые линии и выбор языковых средств всех уровней [12, С. 10]. МП, возникающее на основе когнитивной деятельности воспоминания, объединяет неоднородные в жанровом отношении мнемонические тексты (МТ) такие как автобиография, мемуары, дневники, путевые воспоминания и дневники, письма, критические эссе, литературный портрет и другие.

Динамика идентичности в МП опосредована его онтологическими характеристиками, среди которых Л.М. Ньюбина выделяет эгоцентризм, особую субъективно-оценочную модальность, фрагментарность, амбивалентность, гетерогенность, диалогичность и документальность [12, С. 15]. Автор отмечает, что все эти особенности отражаются в социально-ролевой, гносеологической и повествовательной полифункциональности авторского «я», что способствует возникновению и сосуществованию в МТ неоднородных и эклектичных по стилю и семантике текстовых блоков [12, С. 4]. Таким образом, мнемонический повествователь, маркированный местоимением «я» абсолютный текстообразующий элемент, который объединяет в себе субъекта, объекта и персонажа творимого им мира, синтезируя историческую и личностную, «автобиографическую» правду, творчески «самосозидает» авторское «я». Семантико-функциональное расслоение авторского «я» и его повествовательных функций на вспоминающего автора, повествователя-рассказчика и персонажа создает вариативный характер повествовательной перспективы, при этом смена точки зрения (перспективы) маркирует смену идентификации.

Для МТ характерны два противоположных принципа структурирования текста воспоминаний. С одной стороны, текст стремится к логической упорядоченности, выстраиванию хронологии событий, установлению причинно-следственных и иерархических связей между событиями и идеями. В МТ автобиографии рассказчик ведет повествование от рождения к более поздним годам, и в конечном счете к моменту повествования о прошлом. При этом, динамика идентичности связаны не с изменением набора социальных ролей, с которыми идентифицирует себя человек, а со степенью их иерархизированности в структуре социальной идентичности автора. Исследования в области психологии показывают, что в раннем возрасте структура идентичности более динамична, чем в зрелом возрасте, когда у человека уже сформировался устойчивый приоритет одних ее компонентов над другими [13, С. 132]. В автобиографии мы имеем дело с устойчивой структурой представлений автора о себе в многообразии его социальных идентичностей, следовательно в тексте можно наблюдать описание последовательной смены доминантной социально-ролевой идентичности (возрастной, социально-ролевой, профессиональной и др.). В автобиографиях писателей значимую роль играет тема профессионального успеха, реализованная как профессиональная идентичность. Вспоминающий субъект выстраивает иерархию профессионально-значимых ролей, в которой литературное творчество видится как главное дело жизни, а другая профессиональная идентичность приобретает отрицательную или подчиненную значимость: *“My uncle had always hoped that I would go into the church, though he should have known that, stammering as I did, no profession could have been more unsuitable... It was finally decided that I should become a doctor... The medical profession did not interest me, but it gave me the chance of living in London and so gaining the experience of life that I hankered after... For a short period I was on accident duty day and night to give first aid to urgent cases. It left me tired out but wonderfully exhilarated... For here I was in contact with what I most wanted, life in the raw. In those three years I must have witnessed pretty well every emotion of which man is capable. It appealed to my dramatic instinct. It excited the novelist in me.”* [15, С. 41-42]. В автобиографии С. Шелдона «The other side of me» профессиональное «я» автора также предстает перед читателем в разных воплощениях: *I was going to be a pilot, my radio career, announcer, an usher at RKO Jefferson on Fourteenth Street, my career as a songwriter, a reader at Columbia.* Идеальное профессиональное «я» писателя, маркированное лексемами *novelist, novel*, выделяется сквозным повтором номинации и расположением ее в сильных позициях текста (начало и конец). В заключительных строках своей автобиографии С. Шелдон описывает поворотный момент жизни, который позволил ему сменить профессию сценариста на писателя, воплотить свою мечту, оправдать веру в предсказание и обрести свою идеальную идентичность: *“I turned the screenplay into an elaborately textured novel, and changed the title to The Other Side of Midnight... The book was published a year later and it changed my life... prediction that I would become world-famous had finally come true.”* [16, С. 403].

С другой стороны, память и воспоминание спонтанны, ассоциативны. Идентичность автора может выстраиваться произвольно, а маркирующие ее элементы могут располагаться в тексте дискретно. Исследуя природу изображенной автокоммуникации в интериоризированных психологических художественных текстах, в частности модернистских, И.А. Щирова отмечает, что в них «причинно-следственные связи ослаблены, а значение «размыто» в потоке образных ассоциаций», при этом «повторы нейтрализуют «разорванность» сознания... и становятся теми сигналами адресованности, которые позволяют читателю подвигаться по сети образов в поисках текстового смысла» [14, С. 82]. МТ дневников представляют собой пример вербализованной реальной автокоммуникации, поэтому для них, также как и для интериоризированных текстов психологической прозы, характерно ослабление причинно-следственных связей между фрагментами текста, возрастание значимости ассоциативной связи, «размывание» повествовательной семантики и установление особых семантических отношений между фрагментами текста. Специфическим средством, компенсирующим фрагментарность повествования и поддерживающим смысловую связность также является повтор.

В дневниковой записи М. Сартон эмоциональный комментарий на полученные письма от друзей дает импульс к идентификации и интерпретации автором своего образа жизни с помощью самохарактеристики:

“A letter like this makes the day flower. Betty’s too was full of her sense of life and exact observation... “the light is again that champagne like luminosity”... the phrase made me dream.

***Dreams!** Since my return from Europe I seem to have been living my life though again in **dreams**. Last night about ten people, including the Huxleys, Margaret Clapp, wandered in and out of my **dreams**.” [17, С. 33].*

Динамика идентичности в этом фрагменте строится на произвольной смене экзистенциальной идентичности автора. Эмоциональное (или «чувствующее») «я» автора, маркированное эмоциональной лексикой, внезапно уступает место анализирующему («познающему») «я», маркированному глаголом познавательной деятельности *seem*. Аналогичным образом меняется идентичность авторского «я» в следующем примере, где эмоциональное «я» маркировано глаголом *envy*, а анализирующее «я» глаголами *think*, *realize*, однако в нем средством логической упорядоченности становятся лексемы с противоположным значением *relationship* и *solitude*: *“He and Paul have won through to such a fertile and fertilizing **relationship** I almost **envy** it... and then I **think** of my **solitude** and **realize** again that I am truly married to it and without it would be even more nerve-racked and impossible than I am.” [17, С. 32].*

Произвольная динамика идентичности репрезентирована в МП также сменой повествовательной инстанции. Автор ведет повествование о событиях прошлого одновременно с несколькими повествовательных позиций: рассказчика или «я»-вспоминающего и персонажа или «я»-действующего в прошлом. Например, в автобиографии «Self-Consciousness» Дж. Апдайк со свойственным ему юмором вспоминает эпизод из детства, рассказывающий о том, как его учили завязывать шнурки в детском саду: *“I **remember** especially a big blocky shoe on which we **were supposed** to learn how to tie laces. **I’m told**, nearly fifty years later, that I **learned** wrong...” [18, С. 11].* Динамика идентичности маркирована сменой временного плана (Present simple – Past simple), а также иногда глаголами с семантикой памяти, вспоминания (*I remember*). Автор, смотрящий на прошлое с позиции прожитого времени, одновременно может выступать и в роли анализирующего или оценивающего «я». Еще один на первый взгляд юмористический эпизод уроков танцев, поднимающий важную тему «телесности» в творчестве Дж. Апдайк, автор комментирует с позиции взрослого, понимающего причины телесной и эмоциональной скованности персонажа-ребенка: *“I felt wooden, holding her; how to manage the double consciousness, of my own body and feet and of my willing partner’s, is a problem I never completely solved. Lacking brothers and sisters, I was shy and clumsy in the give and take and push and pull of human interchange.” [18, С. 11].*

Еще одной повествовательной инстанцией, фигурирующей в МП, является персонаж, действующий и анализирующий без помощи автора – «я»-анализирующее в прошлом о событиях прошлого. Такой произвольный перенос из настоящего в прошлое и обратно можно часто наблюдать в текстах МП: голос автора, пишущего о прошлом, сменяется размышлениями действующего в прошлом описываемого «я»-персонажа. Для описания этой повествовательной роли «я» обратимся к термину «когнитивный квазисубъект-персонаж», используемому И.А. Щировой для обозначения персонажа, обладающего «статусом самостоятельно мыслящего субъекта» [14, С. 45]. Выдвижение персонажа-квазисубъекта в качестве повествующего и мыслящего субъекта служит приемом дистанцирования автора от персонажа, переключения с авторской субъективности, доминирующей в тексте, на субъективность изображенного сознания персонажа. «Отображение в мире художественной действительности движения мысли персонажа при условии видимой отстраненности автора приводит к психологизации текста...» и усилению интерпретативной роли читателя [14, С. 46]. Например, в детских воспоминаниях А. Кристи непосредственные размышления, эксплицированные в форме несобственно-прямой речи и маркирующие возраст автора, дают возможность свободы персонажу-ребенку от оценок и суждений и персонажей-взрослых и автора-рассказчика:

*“Pink with embarrassment, I murmured that **I would like a peach please**. “And which peach? Now then, choose.”*

*“Please,” I murmured, “I would like the biggest and the bestest.” Roars of laughter. All unaware, **I seemed to have made a joke**.*

*“You shouldn’t ask for the biggest, ever,” said Nursie later. “It’s greedy.” I could admit that it was greedy, but **why was it funny?**” [19, С. 24].*

Эти вкрапления независимого сознания закладывает канву для развития характеристики образа «я» реального автора как самостоятельной, деятельной, активной личности, бросающей вызов ограничениям и философски относящейся к жизни, в тексте автобиографии.

Часто встречающимся мотивом и сюжетной основой для воспоминаний о детстве является возвращение автора к своим истокам – посещение дома, локации, где прошло детство или других дорогих сердцу мест. Путешествие во времени трансформируется в буквальное путешествие домой. В рамках круговой метафоры возвращения к прошлому (круговое путешествие) фокус повествования переключается с повествующего автора на персонажа, действующего в прошлом. Такие ретроспективные фрагменты характеризуются детальным описанием пространства и принадлежащих ему объектов и выраженных качественных изменений, произошедших с ними: *“I crossed over and stood near the spot where **as a child** I had sat with my feet in the gutter, wanting to be **where the people were**. I had **met few people** during my walk, and **none I knew**. The sidewalks were **less used nowadays** than when I was a child, though the streets – streets I had often heard resound with the lonely clop-clop of a horse-drawn wagon – **held much more auto traffic**. I stood there waiting, self-consciously, to feel something, and **felt less than I had hoped**. The street, the house where I had lived, seemed **blunt, modest in scale, simple**; this **deceptive simplicity** composed their precious, mystical secret, the conviction of whose existence I had parlayed into a career, a message to sustain a writer book after book.” [18, С. 23].* Изменения пространства отражают его динамику, акцентируя тем самым статичность, неизменность психологического образа «я». Физическая реальность меняется, но «я» остается тождественным себе самому. Случайно оказавшись в родном городе, герой Дж. Апдайк вспоминает о своем отце и понимает, насколько, повзрослев, стал похожим на него. Идентичности «я» автора и его

отца сливаются в один образ. Переживание авторским «я» экзистенциального кризиса (кризиса идентичности), вызванного неприятием изменений во времени, завершается обретением своей идентичности или примирением с ней: "I was **like my father** in this, and walking the streets of Shillington this misty spring night was **his act as much as mine**; a set of cracked steps, or the worn look of a porch, or an angle of vista unchanged in forty years would **bring him close**, his diffuse and confused hunger to be "out," searching for something, with his wonderful free walk – long straight-ahead strides and head held high." [18, С. 22].

Заключение

В текстах МП авторское «я» балансирует между множеством идентичностей (повествовательных, социально-ролевых и др.), образы «я» расслаиваются, голоса автора, повествователя и персонажей переплетаются, создавая многоголосное повествование, полифонию точек зрения, мнений и оценок. Организационным центром повествования и самоидентификации, обозначающим границы идентичности, выступает мнемоническое «я» повествователя, выраженное местоимением первого лица и идентифицирующими его Я-высказываниями различного уровня. Совокупность всех репрезентаций самоидентификации в МТ составляет идентичность субъекта повествования.

Финансирование

Внутренний грант РГПУ им. А. И. Герцена (НИР на разработку учебно-методического обеспечения).

Funding

An internal grant from the Herzen State Pedagogical University (R&D for the development of educational and methodological support).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Кравченко А. В. Человек, язык, среда (к обоснованию холизма как метода гуманитарной науки) / А. В. Кравченко // Мир в языке; под ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова — Вып. 11. — Кемерово: Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. — с. 37-52.
2. Леонтьев Д. А. Идентичность / Д. А. Леонтьев, О. О. Савельева // Большая российская энциклопедия. — 2016 — URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2000174?ysclid=lpzqj60xlg62806303> (дата обращения: 10.12.2023)
3. Савельева О. О. Идентификация / О. О. Савельева // Большая российская энциклопедия. — 2023 — URL: <https://bigenc.ru/c/identifikatsiia-v-sotsiologii-855dd6/?v=6936792> (дата обращения: 10.12.2023)
4. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы / М. А. Лаппо. — Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2013. — 180 с.
5. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание / И.С. Кон — Москва: Политиздат, 1984. — 336 с.
6. Мочалова Н. Ю. Философский анализ проблем персональной идентичности художника / Н. Ю. Мочалова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — 8-4(50). — с. 79-82.
7. Зиновьева А. А. Проблема "Другого" в философии М.М. Бахтина / А. А. Зиновьева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2011. — 1. — с. 13-22.
8. Трубина Е. Г. Рассказанное Я: проблема персональной идентичности в философии современности / Е. Г. Трубина — Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 1995. — 152 с.
9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр — Москва: Академический Проект, 2008. — 695 с.
10. Звонарева Ю. В. Лингвистические средства идентификации личности в литературной автобиографии: специальность 10.02.19 "Теория языка": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Звонарева Юлия Васильевна. — Челябинск, 2013. — 23 с.
11. Мазлумян В. С. Память как самоидентификация личности и ее связь с мышлением / В. С. Мазлумян // Мир психологии. — 2015. — 2(82). — с. 79-84.
12. Нюбина, Л. М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования (на материале немецкой литературы воспоминаний XX века): специальность 10.02.04 "Германские языки": автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Нюбина Лариса Михайловна. — Санкт-Петербург, 2000. — 36 с.
13. Микляева А. В. Структура социальной идентичности личности: возрастная динамика / А. В. Микляева, П. В. Румянцева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2009. — 5(83). — с. 129-133.
14. Щирова И. А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века / И. А. Щирова — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2000. — 210 с.
15. Maugham W. S. The Summing Up / W.S. Maugham. — New York: A Signet Classic, 1964
16. Sheldon S. The Other Side of Me. A memoir / S. Sheldon. — New York: Warner books, 2005
17. Sarton M. The House by the Sea. A Journal / M. Sarton. — New York: W.W. Norton & Company, 1995
18. Updike J. Self-Consciousness / J. Updike. — New York: Fawcett books, 1990
19. Christie A. An Autobiography / A. Christie. — New York: Harper Collins e-books, 2010

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kravchenko A. V. Chelovek, jazyk, sreda (k obosnovaniju holizma kak metoda gumanitarnoj nauki) [Human, Language, Environment (holism as a method of humanities)] / A. V. Kravchenko // The World in the Language; edited by E.A. Pimenov, M.V. Pimenova — Issue 11. — Kemerovo: Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. — p. 37-52. [in Russian]
2. Leont'ev D. A. Identichnost' [Identity] / D. A. Leont'ev, O. O. Savel'eva // Great Russian Encyclopedia. — 2016 — URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2000174?ysclid=lpzqj60xlg62806303> (accessed: 10.12.2023) [in Russian]
3. Savel'eva O. O. Identifikatsija [Identification] / O. O. Savel'eva // Great Russian Encyclopedia. — 2023 — URL: <https://bigenc.ru/c/identifikatsiia-v-sotsiologii-855dd6?v=6936792> (accessed: 10.12.2023) [in Russian]
4. Lappo M. A. Samoidentifikatsija: semantika, pragmatika, jazykovye resursy [Self-identification: Semantics, Pragmatics, Language Resources] / M. A. Lappo. — Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2013. — 180 p. [in Russian]
5. Kon I.S. V poiskah sebja. Lichnost' i ee samosoznanie [In Search of Yourself. Personality and Identity] / I.S. Kon — Moskva: Politizdat, 1984. — 336 p. [in Russian]
6. Mochalova N. Ju. Filosofskij analiz problem personal'noj identichnosti hudozhnika [Philosophical Analysis of an Artist's Personal Identity Problem] / N. Ju. Mochalova // International Scientific Research Journal. — 2016. — 8-4(50). — p. 79-82. [in Russian]
7. Zinov'eva A. A. Problema "Drugogo" v filosofii M.M. Bahtina [The Problem of "the Other" in M.M. Bakhtin's Philosophy] / A. A. Zinov'eva // Proceedings of Tula State University. Humanities. — 2011. — 1. — p. 13-22. [in Russian]
8. Trubina E. G. Rasskazannoe Ja: problema personal'noj identichnosti v filosofii sovremennosti [Narrated Self: the Problem of Personal Identity in Modern Philosophy] / E. G. Trubina — Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1995. — 152 p. [in Russian]
9. Riker P. Konflikt interpretatsij. Oчерki o germenевtike [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics] / P. Riker — Moscow: Academic Project, 2008. — 695 p. [in Russian]
10. Zvonaryova Yu. V. Lingvisticheskie sredstva identifikacii lichnosti v literaturnoj avtobiografii [Linguistic Resource of Personality Identification in Literary Biography]: 10.02.19 "Language Theory": abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Sciences / Yu. V. Zvonaryova. — Chelyabinsk, 2013. — 23 p. [in Russian]
11. Mazlumjan V. S. Pamjat' kak samoidentifikatsija lichnosti i ee svjaz' s myshleniem [Memory as Personality Self-identification and Its Link with Thinking] / V. S. Mazlumjan // The World of Psychology. — 2015. — 2(82). — p. 79-84. [in Russian]
12. Nyubina L.M. Poetika i pragmatika mnemonicheskogo povestvovaniya (na materiale nemeckoj literatury vospominanij XX veka): special'nost' 10.02.04 "Germanskije yazyki" [Poetics and Pragmatics of Mnemonic Narration (based on German XX century memoir): 10.02.04 "Germanic Languages": abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Sciences / L. M. Nyubina. — St. Petersburg, 2000. — 36 p. [in Russian]
13. Mikljaeva A. V. Struktura sotsial'noj identichnosti lichnosti: vozrastnaja dinamika [Structure of Personal Social Identity: Age Dynamics] / A. V. Mikljaeva, P. V. Rumjantseva // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. — 2009. — 5(83). — p. 129-133. [in Russian]
14. Schirova I. A. Hudozhestvennoe modelirovanie kognitivnyh protsessov v anglojazychnoj psihologicheskoj proze XX veka [Literary Modelling of Cognitive Processes in XX Century English Language Psychological Prose] / I. A. Schirova — St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics and Finance, 2000. — 210 p. [in Russian]
15. Maugham W. S. The Summing Up / W.S. Maugham. — New York: A Signet Classic, 1964
16. Sheldon S. The Other Side of Me. A memoir / S. Sheldon. — New York: Warner books, 2005
17. Sartre M. The House by the Sea. A Journal / M. Sartre. — New York: W.W. Norton & Company, 1995
18. Updike J. Self-Consciousness / J. Updike. — New York: Fawcett books, 1990
19. Christie A. An Autobiography / A. Christie. — New York: Harper Collins e-books, 2010